

**Остатки Ангарей
Нарывы
пространства**

Андрей Владимирович Останин

Нарывы пространства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63804253

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-98556-8

Аннотация

В сборник вошли: повесть "Время мечтать", а так же рассказы "Спасатель" и "Неестественный отбор". Эти произведения объединяет тема фантастических путешествий по неведомым мирам, столкновение с неизвестным, и преодоление трудностей, которые в обычной жизни и представить невозможно. И, как следствие – необходимость менять что-то в себе. Герои по разному относятся к жизни, и нормы морали у них сильно разнятся. Но каждому придётся до конца пройти свой путь и, даже в нечеловеческих условиях, суметь остаться человеком.

Содержание

Спасатель	4
Неестественный отбор	46
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Андрей Останин

Нарывы пространства

Спасатель

Рассказ

Денисыч метался в адском дыму, то и дело натыкался на хлипкие стены и бился ногами о раскиданную, пластиковую мебель. Хорошо, хоть лёгкая, иначе давно бы ноги переломал. Мелькнула идиотская мысль: в комнатах эти люди сидят на драных циновках, костлявые колени выше макушки, а коридор полон стульев. На фига? Не иначе, благотворители мебель натащили. Деревянную привозить не рискнули, в этих краях дерево на вес золота. Или, скорее уж, на вес воды – и то, и другое днём с огнём не сыщешь.

Навстречу из дыма вынырнула массивная, человеческая фигура. Мужчина крепко прижал к груди очередное крохотное, истошно вопящее тельце, глаза слезливо щурит, и перхает нехорошо, болезненно.

– Всё, русский, это последний! – выдохнул хрипло. – Смаываемся отсюда!

– Понял, понял, – едва слышно, только порядку ради, отозвался Денисыч.

Развернулся, лопатками в стену впечатался, пропустил –

с ребёнком вперёд. Почти уткнулся в спину неожиданного напарника и вывалился из самолепной коробочки, в клубках душливого дыма, кашляя и отплёвываясь. С десятков чумазых ребятишек тарасились на него испуганными глазёнками и, слава богу, молчали. От их недавнего визга, ну и от дыма тоже, у Денисыча уже напололам раскалывалась голова. Опустился в рыжую пыль рядом с таким же закопчённым, задыхающимся мужчиной в шикарном, недавно ещё, белом костюме. Накрылась одежонка, в жалкую, замызганную тряпку превратилась. Сняв с пояса фляжку, Денисыч жадно глотнул, плеснул через край неаккуратно, две тонкие струйки по пыльному подбородку бороздки проложили. Тут же понял, что смачивать обожжённое горло коньяком – не лучшая идея. Далекое не лучшая. Кое-как откашлялся, прочистил горло сдавленным хэканьем.

– Глотнуть не желаешь?

– Я по-русски только разговариваю хорошо, – мотнул исключенной головой собеседник. – Пью плохо.

– Была бы честь предложена.

На этого человека Денисыч охотился два года, но удача улыбнулась только сегодня, когда и надежды-то уже не осталось. За каким чёртом, резидента иностранной разведки в этом регионе, лично понесло в селение, затерянное посреди песков – так и осталось для Денисыча загадкой. Однако, успел главное: поднял боевую группу, приехал загодя к кучке убогих домиков и взял их под контроль. Ребята, переоде-

тые в бедуинское рваньё с привычными автоматами Калашникова в руках, удачно вписались в местный пейзаж. Здесь человека с автоматом встретить куда как легче, нежели человека с книгой. Местные жители, как обычно, таскаются где-то в пустыне, зарабатывают на хлеб насущный неведомым способом. А все ребятишки в это время занимаются в школе – ветхом сарае посреди селения. Что они там изучают, Денисыч уверенно сказать не мог, но не удивился бы, найдя на стене плакат с устройством снайперской винтовки. Или ручного гранатомёта. Местный колорит.

Загорелась уродливая хибара как-то сразу, весело и дымно; посыпался из окон горох детишек из тех, что постарше; взвыли недобрыми голосами те, что до окон дотянуться не смогли. Денисыч кинулся к дверному проёму, завешенному цветастой циновкой, сорвал, чтобы не мешала, и нырнул в коридор, затянутый удушливым, вонючим дымом. Никогда бы не подумал, что верблюжий навоз, перемешанный с глиной, может так хорошо гореть. Вонючка, правда, соответствующая, тут уж удивляться нечему. Из чего строим – тем и дышим. Схватил под мышки пару вопящих, крохотных тел, бросился назад по затянутому густой, серой пеленой коридору. Выбрасывать малышню в окно страшновато. Уж больно крохотные, да и не ловит там никто. Столкнулся в коридоре с мужчиной, явно не аборигенской внешности, и не сразу понял, что это и есть объект сегодняшней охоты. А когда понял – вязать уж некогда стало, не до того пока.

Они ещё несколько раз молча сталкивались в узком, чадном коридоре, так и не перекинувшись даже словом, пока не вытащили всех. И вот теперь главный вражина уселся, привалившись спиной к засохшему, корявому деревцу и выплёвывает из лёгких застрявший там, вонючий дым. Денисыч усмехнулся. Вот она, вторая звёздочка на погон! А то и на грудь, если хмыри штабные не зажмут. Сосредоточие всех тайн и секретов разведки потенциального противника в этом регионе. Вражина. Мужчина понимающе усмехнулся в ответ.

– Ну что, майор, сегодня праздник у тебя, да?

– Знаешь моё звание? – не особо удивился Денисыч.

– Как и ты моё, – с усмешкой откликнулся тот. – Мы вообще всё друг о друге знаем, давние хорошие... враги.

– Погано тебе, похоже, полковник?

– Дыма наглотался, дышать не могу...

– Зачем же ты в этот сарай полез? – едко хихикнул Денисыч. – У тебя интересы державные, а ты в пустыне навозным дымом дышишь.

– Ты тоже здесь не кислородом наслаждаешься, как я заметил.

– Да кабы не ты – в гробу бы видеть эту пустыню!

– К месту, про гроб-то.

Денисыч почувствовал, что горло саднит уже не так отчаянно и с удовольствием глотнул коньячка из фляжки ещё разок. Чертовски нужная вещь, в определённых ситуациях.

А в неопределённых – особенно. Необходимая просто. Момента́льно торкнуло по мозгам коньячными парами, затянуло лёгким туманом. Можно жить, этак-то.

А вот иностранный полковник выглядит, действительно, худо. Задыхается, кашляет, что кот, шерсти наглота́вший. Мнёт грудь дрожащими, влажными пальцами и вполне может отойти в мир иной. Конечно, от него и от мёртвого немалая польза, но не то уже, не то.

– Командир!

К Денисычу, путаясь в длинных полах драного халата, подбежал заместитель. Капитан Михайлов – старинный, проверенный дружище. Встревожено поглядывает вдаль, где поднимается густой шлейф рыжей пыли – явно машины спешат, клубят на всю пустыню. Сморщился, и в складках кожи на лице тут же, тёмными, корявыми трещинами, отложился невесомый, вездесущий песок.

– Пора уходить, командир! – сморщил боец совершенно бедуинскую рожу. – Чёрт его знает, кто там едет? Может, охрана полковника, не могли же они совсем потеряться.

Денисыч посмотрел на врага. Тот голову опустил, усмехнулся криво. Правила игры знает, ничего хорошего для себя не ждёт.

– Да больше тут и быть некому, – покачал головой Денисыч. – Видишь, как спешат. Полковник, у тебя в конвое врач есть?

– Да, – не сказал даже, а скорее кашлянул тот.

– А у меня в группе нет... Лёшка, быстро снимай оцепление и уводи группу по основному маршруту отхода. Я догону через пару минут.

– А этот? – резко мотнул головой помощник.

– А этот останется здесь. Выполняй приказ, капитан!

Михайлов беззвучно, словно мираж, растворился в раскалённом воздухе, а Денисыч угрюмо посмотрел на полковника.

– Ладно, повезло тебе сегодня. Смотри, в другой раз счастье может и не улыбнуться. Изловят тогда, как кролика – с такой-то охраной. Только ловить уже буду не я. Кто-нибудь не такой глупый.

– Только не говори, что пожалел, – остро зыркнул вражина из-под припорошенных пылью, густых бровей. – Тогда – почему?

Денисыч хмуро глянул на беспомощного мужчину. Откровенничать не хочется, да и привычки такой нет, но вкратце ответить можно.

– А тебе не кажется, полковник, что мы с тобой всю жизнь какой-то ерундой занимались? Сегодня, единственный раз в жизни, что-то стоящее сделали – детей спасли.

– Скорее всего, это будущие террористы, – вновь скривился полковник. – Знаешь не хуже меня.

– Ну вот в будущем и повоюем, а пока – дети. Пока их спасение ещё как доброе дело засчитывается. Прощай, вражина, вряд ли уже увидимся.

И подмигнул залихватски, озорно.

– Правда, я добрый?

Капитан Михайлов вынырнул, неведомо откуда, затормозил рядом, схватил Денисыча за рукав.

– Ей богу пора, командир! – выдохнул отчаянно. – Ещё немного и нас самих тут повяжут. Группа уже уходит.

Иностраннный полковник слабо махнул в сторону чахлах, тощих кустов на окраине селения.

– Уходите спокойно, мои люди вас преследовать не будут.

– Станут они тебя спрашивать! – отмахнулся Денисыч. – У них свои мундиры по орденам соскучились.

Однако, медлить больше не стал. И так разговорился чего-то, как курсантишка после первых стрельб. Уже на бегу Михайлов обречённо выдохнул.

– Всё, командир, нам хана. За такой прокол всей группой под трибунал загремим, к гадалке не ходи.

– Вернёмся, сразу подашь рапорт, напишешь, как было, – Денисыч пыль с языка, напополам с тягучей, горькой слюной, сплюнул. – Вали всё на меня, дружище! Ты-то действительно только приказы выполнял.

– Хорошо же ты обо мне думаешь, Денисыч! – возмущённо воскликнул тот, хватанул пыли опрометчиво открытым ртом, закашлялся. А тут ещё ветерок лёгкий дунул, и накрыло обоих с головой рыжей, удушливой тучей. Вовсе не продохнуть, но зато и не разглядеть ничего за такой завесой. Можно спокойно в сторону дома шлёпать.

– Всё равно же кто-нибудь наступит, – пожал плечами командир. – И не один. Группа-то у нас немаленькая. Я теперь человек конченный, а тебе ещё служить и служить. У меня что-то желание пропало... Давно уже. А полковник этот по случаю подвернулся, повезло служаке.

Решительно махнул автомат за спину, брякнуло там железом по кости, охнул с досадой.

–Так что, делай, как говорю. Послужишь ещё.

* * *

Денисыч любил наблюдать, как рушатся дома.

Многоэтажные коробки никогда не падали навзничь так, словно их ударили; просто обессилено приседали, точно смертельно уставший человек, подогнув ноги. И рассыпались в бесформенную кучу щебня, тонувшую в густом облаке пыли. Правда, достойных домов осталось совсем мало. Когда падает простенькая пятиэтажка – это совсем не так величественно, как гибель красавца-небоскрёба.

Раньше, в первый день катастрофы, красиво падали самолёты. Сыпались с прозрачного неба, которое вдруг перестало их держать, нелепо вращали бессильными крыльями, хлопали о землю пыльно, чадно, громко. Но с тех пор, как полёты прекратились, осталось лишь наблюдать за пьяными домами. Вероятно, падение орбитальных спутников смотрелось бы неплохо, но они почему-то не захотели валиться на землю. Как раз наоборот – улетели от неё подальше. Орбиталь-

ная станция сбежала в открытый космос вместе с космонавтами и Денисыч, представив, что в этот момент творилось внутри космической, консервной банки, вздохнул. Незавидная участь. Хотя, по сравнению с тем, что ждёт всех остальных... Возможно эта горстка космических странников окажется самыми счастливыми людьми из всех, ныне живущих. Вернее, доживающих.

Город, как и остальной мир, медленно угасал, словно смертельно больной человек, которому уже ничем нельзя помочь. Остаётся только смотреть на неизбежное умирание, сочувствовать и вздыхать. Это поначалу телеведущие, с дурной радостью, взялись мусолить новость. Привычно нагоняли страх, сеяли панику, распускали слухи, будоражили общественное мнение – выполняли свою работу. Сотни экспертов во всех областях, ударились в обсуждение катастрофы и возможных последствий. Рвали глотки и бешено брызгали слюной, добросовестно отрабатывая шоу-гонорары. Но после того, как обрушилась телебашня, вся шумная свора тоже перебралась в стан наблюдателей. Люди давно уже покинули умирающий город, ибо в агонии он мог запросто утащить в могилу любого, кто рискнёт пройти по мёртвым улицам. Ещё и могильный холм очередного упавшего дома сверху водрузит. Мародёров, и упрямец, не желающих покинуть свои дома, под этими холмами осталось ой как много!

Как только началась свистопляска с концом света, Денисыч перебрался на берег речки, откуда и разглядывал теперь

агонию человеческой цивилизации. В суете и панике первых дней, рискуя жизнью, спёр в разрушенном магазине туристический набор: палатку, спальник... Прихватил под шумок котелок и кучу разных инструментов. Недалеко от палатки, ночью, постоянно озираясь, закопал несколько ящиков водки и все продукты, что удалось украсть. Приготовился достойно встретить старуху в чёрном, с косой. Таких же палаток, как у него, по всей округе наметало без числа, люди готовили пищу, привычно переругивались и покрикивали на беспокойных детей. А те не обращали внимания на конец света. У малявок образовался шикарный пикник – где тут повод печалиться?

Денисыч отстранённо подумал о своей дочке, которая, вместе с бывшей женой, жила в другом городе. Он, конечно, постарался бы ей помочь, но проехать три тысячи километров до наступления конца света нереально. Незачем и пытаться, суету никчёмную устраивать. Остаётся лишь мысленно попрощаться, а это и не вставая с раскладного стульчика можно сделать. Хорошо зная свою бывшую, посочувствовал дочурке. Пока мир не рухнет полностью, именно ей предстоит выслушивать бесконечные стенания и наблюдать бессмысленные истерики. Обгадить даже конец света – это вполне в стиле бывшей любимой женщины.

– Константин Денисович?

Эк ты подкрался, кот блудливый! Денисыч лениво оглянулся и посмотрел на нежданного собеседника. Молодой,

холёный, офицерская выправка даже из гражданской одежды выпирает, не скроешь. Не боевая выправка, штабная. Опять же – холёная. Белокурая бестия с голубыми глазами. Красавчик. Адьютант какого-нибудь неслабого начальника, они таких любят. Хвастаются друг перед другом, как престарелые матроны молодыми любовниками. Аж подташнивает.

– Для тебя, старлей, я господин майор. И не по чину тебе на меня свысока глядеть. Присядь рядом, не отсвечивай.

– Даже моё звание угадали! – и не подумал обижаться служивый.

– На вашего штабного брата глаз намётанный, – довольно хохотнул Денисыч. – И я точно знаю, просто так не припёрся бы. Говори, не томи.

– Ваш чин отставника меня ни к чему не обязывает, Константин Денисович, – пожал широкими плечами офицер. – Тем более, что во времена оны шлёпнули бы вас, не задумываясь, а не в отставку отправили. За ваши-то затейливые выкрутасы на службе. Но это неважно. Я разыскал вас по приказу генерала Михайлова.

– Вот ты чья болонка! – понятно скривил губы Денисыч. – Похоже, стареет диверсант, в куклы играть начал.

Старший лейтенант, которого служба приучила ни на что не обижаться, никак не отреагировал. С лёгкой, брезгливой grimасой протёр платком пластмассовый стульчик, поправил отглаженные, бежевые брюки и осторожно уселся. Денисыч снисходительно наблюдал за брезгливыми манипуляци-

ями – его такие мелочи не тревожили. Мятую, чёрную футболку и серые, спортивные штаны, что украшают тела военного пенсионера, грязью пугать – трикотаж смешить.

– Господин генерал приказал передать просьбу, которая должна вас заинтересовать. Он очень надеется на ваше понимание, вы же бывшие боевые товарищи.

– Бывшие сослуживцы, юноша! – фыркнул рассерженно Денисыч, но тут же отмяк. – Боевые товарищи бывшими не бывают. Излагай.

– Я хотел бы сначала объяснить, что происходит с нашим миром...

– Хана ему приходит, в объяснениях не нуждается.

– Причину вы вряд ли знаете, поэтому объясню всё-таки.

Старлей умудрился перебить ветерана мягко, но очень настойчиво. Штабная закалка, за километр видать.

– Видите ли, у нашей планеты появился двойник. Паразит.

– Как будто ей доморощенных паразитов мало! – наигранно возмутился Денисыч.

Штабной офицер развёл руки в стороны, изобразил лицом красноречивое увы.

– Если выразаться художественно, паразит высасывает жизненную силу из нашей планеты. Желаете послушать научные термины – поболтайте с учёными, господин бывший майор. А я уж объясню, как смогу.

– Не напрягайся, – милостиво разрешил тот. – Я тоже пой-

му как смогу.

– Отлично. Проблема в том, что начали разрушаться связи на атомном уровне. Наши дома падают, потому, что построены по старым расчётам и сейчас стали хрупкими – валятся под тяжестью собственного веса. Самолёты в воздухе не выдерживают малой доли расчётных нагрузок и рассыпаются.

– Да все уж рассыпались, – хмыкнул Денисыч. – Давненько никто взлететь не пытался.

Офицер согласно кивнул.

– Притяжение планеты ослабло и наши космические станции не удержало. Очень скоро Земля лишится и атмосферы... Чем это закончится, можно не гадать. Но даже этого мы не увидим. Весьма скоро развалятся атомные электростанции, а там и до всепланетных ядерных арсеналов очередь дойдёт.

– Ага! – оживился Денисыч, голову вскинул и глазами весело блеснул. – Значит помирать будем с фейерверком!

– Фейерверк будет знатный, спору нет, – согласился старлей, породистым носом важно качнул. – Главная проблема в том, что обнаружить планету-паразита нет никакой возможности. Она может быть в другой галактике или вообще где-нибудь внутри чёрной дыры. Поди отыщи. Но выход наши учёные всё-таки нашли. Они обнаружили канал утечки энергии, этакую пуповину. Мало того, наши технологии позволяют по этой пуповине перемещаться.

Помолчал многозначительно, глянул на отставника се-

рьёзно. Денисыча, впрочем, не впечатлил. И не с такими орлами в гляделки играть приходилось, ни разу не сморгнул.

– Туда перемещаться, – уточнил старлей. Особенно подчеркнул, что – туда. Только туда.

– Вот наши ядерные арсеналы туда и перекачайте, – с готовностью подсказал Денисыч, улыбнулся горделиво. – Правда, я умный?

– А у всех других стран они останутся? – подхватился штабник.

Денисыч поднял руки, грязные ладошки перед собой выставил.

– Понял, проехали. Сдохнем все вместе. Дальше что?

– По этой пуповине нужно доставить на планету-двойника ракетный снаряд. Хитрая штука, которая не вверх летит, а вниз пробивается. И очень даже быстро. Называется...

Напыжился, с силами собрался. Даже кожа на лице покраснела слегка.

– Дезинтегратор планетного ядра! Орден мне дать, за то, что выговорил! Чтобы гарантированно уничтожить двойника, нужно запустить эту ракету к ядру планеты и она его взорвёт.

– Взрывать мы умеем, – согласился Денисыч, головой покачал. – Ну, и в чём проблема? До того обленились, что кнопку нажать некому?

Разговор прервали звуки ссоры, возникшей неподалёку. Два пьяных мужичка, в одинаково засаленных, спортивных

штанах, яростно схватились в двух шагах от беседующих. Причину ссоры они сейчас и сами вряд ли смогли бы объяснить, но это не мешало им таскать друг друга за грязные майки и всему свету сообщать свои немудрёные мысли.

– Часто у вас тут так, Константин Денисович? – брезгливо сморщил нос офицер.

– С каждым днём всё чаще.

Денисыч вяло добыл из-за пояса штанов, прикрытый футболкой чёрный, армейский пистолет и, не целясь особо, выстрелил под ноги дерущимся. Красивый фонтанчик песка взметнулся прямо между ними и драка тут же прекратилась. Поглядев вслед уходящим пьяницам, Денисыч хмыкнул.

– Вот счастливые люди! Им то совершенно безразлично, сколько ещё протянет мир, они повод для драки всегда найдут. Как и все остальные, впрочем.

Адъютант, минуту назад с трудом увернувшийся от вылетевшей из пистолета, горячей гильзы, недовольно поморщился.

– Стреляли бы сразу в голову, господин майор. Сейчас такие шалости никого не волнуют, а нам, хоть в последние дни, без этого быдла пожить.

– Вот сам бы и стрелял, чистюля! – неожиданно злобно огрызнулся Денисыч. – Пистолетик-то под рубашечкой видно. Всё бы вам чужими руками себе спокойную жизнь устраивать. Ну, да ты ведь за этим и припёрся. Давай уж, говори, на кой я вам понадобился?

Старлей внимательно прищурился, чистенькие глазки остро блеснули, холёное личико напряглось.

– Интересно, а откуда у вас армейский пистолет? Гражданским на него разрешение не выдают. Где-то украли, Константин Денисович?

– Нашёл, – насмешливо фыркнул тот. – Не устраивает ответ – пиши жалобу, вызывай полицию. Только её ещё поискать придётся. До конца света можешь не успеть.

Денисыч щёлкнул крышкой пивной банки и сделал большой, вкусный глоток.

– Примерно через час я перейду на водку и тоже стану быдлом. Так что поторопись, старлей.

– Генерал Михайлов сказал, что с вами нужно говорить прямо, поэтому я так и сделаю.

Офицер деловито подобрался, разговор конкретный пошёл, по делу.

– Ракета готова к перемещению, учёные уверены, что всё получится, но... Как всегда, есть проблема. Для того, чтобы активировать ракету на месте, нужен человек. Отрегулировать установку, чтобы ракета была направлена, куда надо. А самое главное: нужно оценить, стоит ли вообще ту планету взрывать.

– То есть, стоит ли спасать свою? – на этот раз прищурился Денисыч.

– Именно так! – не стал юлить офицер. – Возможно, та планета гораздо лучше подходит для проживания.

– Да, свою-то загадили изрядно, – поддержал вполголоса Денисыч.

Офицер замялся на секунду и Денисыч, тут же почуявший подвох, остро зыркнул на старлея. Так складно гутарил, обо что споткнулся?

– За оставшееся время, – продолжил тот. – Мы сможем переправить туда по потоку достаточное количество людей. Для организации колонии и выживания нашего вида.

– Самых лучших людей, я думаю? – кивнул понятливо старый отставник. – А кто лучший, будете выбирать вы с генералом?

– Это не наш уровень, – вздохнул чистенький собеседник. – Выбирать будут другие.

– Уж себя-то с домочадцами не забудут, конечно? – нейтральным тоном поинтересовался Денисыч.

– Да уж, конечно.

Денисыч впервые с интересом поглядел на штабного офицера. Одной фразой тот выразил все свои мысли о собственном будущем. Уж больно ярко сарказм плеснулся, не перепутаешь. Одно дело болтаться рядом с властью имущими, и совсем другое – место в спасательной шлюпке получить. Старший лейтенант, похоже, разницу понимает хорошо. Впрочем, на дурака и не похож, чего уж там. Не приживаются в штабах дураки, почва не та. Сволочи – запросто, а дураки чахнут, отмирают.

– Мы собрали данные за последнее время, – продолжил

штабник, остатки сарказма из голоса поспешно выветрил. – Прошу прощения, Константин Денисович, но вы сами знаете, жить вам осталось от силы год. Цирроз печени, и ещё пара последствий несправедливой жизни, шансов на будущее не оставляют. Вам в любом случае терять уже нечего.

– Вот именно! – хлопнул Денисыч ладошкой по коленке. – Вот именно! И на чёрта же мне тогда ради вас корячиться? Помереть я и здесь спокойно могу.

Задал я задачу, хлыщу глянцевому, – с удовольствием подумал Денисыч, но ошибся. Задумчивости адъютанта хватило лишь на один хороший глоток пива. Да и тот Денисыч глубоко протолкнуть не успел.

– Я понимаю, господин майор, что на бывшую жену вам наплевать с высокой колокольни...

Офицер усмехнулся, покосился на отставника понимающе.

– Но ведь есть ещё дочка. Насколько нам известно, с ней у вас отношения прекрасные. Есть хорошая возможность позаботиться о её будущем.

– Например? – хмуро буркнул Денисыч. Как-то быстро штабовый хлыщ разговор в свои руки взял, а это неприятно. И на мозоль наступил безбоязненно. Ишь...

– Генерал Михайлов гарантирует вам, что в случае, если вы взорвёте планету-паразита и, естественно, погибнете там, на счёт вашей дочери ляжет весьма и весьма солидная сумма.

Увидел, как недобро блеснули глаза собеседника, протя-

нул к нему руку, для пушей убедительности.

– Вы знаете, генерал это сделает. Если же та планета окажется лучше нашей, девчонку переместят туда с первой же партией. Так что, проведёте год, или сколько вам осталось, со своей дочуркой. Кстати, в списки перемещаемых ваша бывшая жена точно не попадёт. Генерал обещал лично вычеркнуть.

– Хоть одна хорошая новость! – хмыкнул Денисыч, на что собеседник отреагировал коротким смешком.

– Нет, не то, чтобы... – тут же изобразил ангела Денисыч. – Но всё же лучше бы.

– Я так и понял.

Со стороны остатков города послышался характерный звук. Очередной дом – желтенькая, весёлая пятиэтажка – безвольно опустился и расплылся по земле огромной, пыльной кляксой.

– Кажется, они вздыхают, когда падают, – проговорил задумчиво Денисыч. – Не замечал, старлей?

– Поспешить бы вам с решением, – вздохнул тот, в сторону развалин не глянул даже. – Совсем уже времени нет, сами видите.

– Да я уж всё решил! – снова хлопнул ладошками Денисыч – только теперь обеими, по двум коленям. – Я лечу один?

– Нет. Ваша задача – принять решение и запустить ракету. А на тот случай, если что-то будет не так с техникой, с вами полетит человек, который её разработал.

Денисыч восхищённо выдохнул и даже руками всплеснул от удовольствия.

– Ха! У него тоже цирроз?

– Ну, что вы! – отшатнулся офицер. – Он учёный, совершенно здоровый человек.

– Ага. На всю голову!

Денисыч решительно встал и высосал из банки остатки пива.

– Когда отправляемся?

– Минут десять уже, как едем, – изящно постучал офицер пальчиком по стеклу механических, наручных часов.

– Пару банок пива я с собой всё-таки возьму, – бросил Денисыч и спину старательно выпрямил. – Оцени мой героизм – водку оставляю здесь, хоть и нелегко мне это. И ещё...

Подтянул грязные штаны, носом швыркнул так решительно, словно с вышки в воду прыгать собрался. С полной возможностью пролететь мимо.

– Капитану Михайлову я верил, как самому себе, а вот генералу Михайлову, пожалуй, воздержусь. Перед отправкой предоставьте мне документальное доказательство того, что деньги уже на счету моей дочери.

– Да без проблем, – легкомысленно отмахнулся визитёр. – Если вы не справитесь, деньги ей не понадобятся... Да и всем нам, впрочем. А если всё сделаете как надо – она их получит заслуженно.

– Аминь! Правда, я предусмотрительный?

* * *

Денисыч чертыхнулся и отодрал лицо от стекла шлема. Хорошая штука, этот скафандр, но до чего же громоздкая и неуклюжая конструкция! Перед лицом пока только жёлтеет зернистый песок и, кабы не стекло, торчать бы в том песке носу Денисыча. Жестковатая вышла посадочка.

– Очкарик, ты живой?

Денисыч поднялся и, первым делом, поглядел в ту сторону, где жуком возился на песке, навязанный начальством напарник. Видимо, тоже закончил перелёт не очень удачно, потому что в наушниках постоянно кряхтело и постанывало, а издавать здесь человеческие звуки больше некому.

– Вставай, очкарик! – нарочито сурово скомандовал Денисыч. – Работать пора.

– Не могли бы вы не орать на меня? – насколько возможно возмутился тот. – Моё имя Михаил, я же вам говорил. И зрение у меня вполне нормальное.

– Мишаня, ты в душе очкарик, – хохотнул Денисыч и подпустил в голос глумливого пафоса. – Вставай, Родина в опасности.

– Не поминайте Родину всуе, – вздохнул латентный очкарик.

Денисыч поморщился, разогнул спину, вздохнул тяжело. Не радуется глаз окружающая местность, ох, не радуется! Во все стороны, насколько может охватить взгляд, одинаково-уны-

ло тянутся морщинистые барханы; лёгкий ветерок шлифует их бока и гоняет бесцельно комки каких-то сухих растений. Скафандр поддерживает постоянную, комфортную температуру, но, судя по безоблачному небу и яркому солнцу, здесь очень даже не прохладно.

– Надо же, совершенно земной пейзаж! – удивлённо протянул учёный.

– И не лучший, Мишаня. Я бы предпочёл лесное озеро и сосны.

– Наверное, есть где-то, Константин Денисович. Раз уж пустыня имеется.

Орудие убийства планет валялось неподалёку – словно беспомощная, пузатая сигара. Кресла, в которых люди начинали перемещение, оторвались и лежали рядом, а защитного кокона, что оберегал путешественников от воздействия энергии потока, не нашлось вообще – потерялся по дороге. Громоздкая установка ничем не напоминает грозное оружие, выглядит жалко и беспомощно. Денисыч подумал, что без человека ей действительно не обойтись. Вообще, когда дело касается убийства, без человека никак.

– Давай, Мишаня, кряхтеть на том свете будешь. Пора к самоубийству готовиться.

– Может быть, посмотримся для начала? – напомнил тот. – Нам же ещё определить надо, можно ли тут жить.

– Не нам, а мне! – поставил учёного на место Денисыч. – Я и буду определять. За работу.

С помощью встроенных домкратов, выправили решётчатую конструкцию направляющих так, что носовые сопла ракеты устали в песок. Михаил повозился с настройкой электроники, смешно ковыряясь в пульте управления пальцами в толстых перчатках. Закончил, кивнул. Денисыч бесцеремонно отогнал его, что-то подправил в настройках и ткнул пальцем в кнопку запуска. Поглядел в глаза напарнику, издавшему тонкий писк и едва не впавшему в кому, спокойно объяснил.

– Не пыли, Мишаня. Я установил замедление запуска на полчаса. Прежде чем идти осматриваться, я должен быть уверен, что оружие сработает и без нас. Сначала дело, потом твоё научное любопытство – именно в такой последовательности. И именно для этого я здесь. Чёрт же знает, сколько мы тут протянем? Вылезет сейчас какая-нибудь зверина из-за бархана и схарчит нас почём зря. Ну, а если что, команду отменить всегда успеем.

Денисыч посмотрел на датчик, закреплённый на шлеме, хмыкнул и начал спокойно стаскивать с себя скафандр. Миша торопливо схватил его за руку.

– Что вы делаете?! – воскликнул удивлённо. – Ведь неизвестно, какие бактерии могут быть в этом воздухе.

– Анализатор говорит, что воздух пригоден для дыхания. Ну так и нечего таскать на себе этот гроб тряпочный.

– Но ведь анализатор может и не распознать местные микроорганизмы!

Денисыч тяжело вздохнул. Просто невозможно работать с бестолковым напарником.

– Очень скоро здесь вообще нечего будет распознавать. И потом, в скафандре выпить невозможно, а уже хочется, чёрт побери.

Отсоединил от скафандра запасной воздушный баллон, добыл из кармашка раскладной стаканчик и нацедил в него мутно-красную жидкость. Поглядел в глаза оторопевшего напарника, вздохнул.

– Мишаня, ты уже ко мне привыкай постепенно. Помирать рядом с тобой, конечно, невелико удовольствие, но всё лучше, чем одному. Так что, повремени от инфаркта погибаться.

– Но ведь по инструкции там должен быть воздух! – выдохнул Мишаня.

– А по желанию – вино. Техники, люди понятливые и отзывчивые, дай им бог здоровья. А до взрыва и в основном баллоне воздуха хватит. С лихвой ещё. Хлебнуть не желаете?

– Я не пью! – гордо вскинул голову учёный. – Для нормального человека это самоубийство.

– Так мы и есть самоубийцы, не забывай. А это так, жидкий контрольный выстрел.

Денисыч спокойно выпил, вытряхнул оставшиеся капельки на песок и хозяйственно прибрал стаканчик в карман. Набьется пыль в посудину, хрусти потом зубками. Избавив-

шись от скафандра, остался в шортах и майке цвета хаки, отчего стал похож на забавную, ряженую обезьяну.

– Мешок, ты из своей шкуры тоже вытряхивайся. Неудобно же.

Михаил оскорблённо фыркнул, но спорить не стал. Стащил шуршащее облачение и предстал пред издевательским взором Денисыча в белоснежном обтягивающем трико и водолазке. Военный пенсионер уставился на Мишу скорбным взглядом.

– Вот ты клоун! Костюмчик тоже по инструкции?

– Да, конечно.

– Держись от меня подальше. Не дай бог тут люди отыщутся, ещё подумают, что мы вместе. На фига же мне такая репутация на старости лет?

Ну совсем Мишаня не похож на учёного! Ей богу, сплошное недоразумение. Пухлый, низенький, неуклюжий. Нос картошкой, губы лепёшками, ушки торчком. Изящество ума никак не отразилось на внешности.

Они поднялись по склону ближайшего бархана и огляделись. Во все стороны, до самого горизонта, тянется однообразное, жёлто-коричневое море песчаных волн. Изредка его разнообразят островки какой-то давно высохшей растительности, да шляются под ногами такие же сухие, плетёные шары. Один из них Денисыч изловил.

– Бывал я в пустыне, и не раз, Мишаня, – пробормотал задумчиво, пыльный комок в руках повертел. Бросил, ладо-

ни отряхнул.

– Что-то сильно этот мячик напоминает мне перекаати-поле. Может такое быть, чтобы на чужой планете нашлись земные растения?

– Я, вообще-то, физик, откуда мне знать? – удивился тот. – Но если рассуждать логически: в одинаковых условиях, почему бы и растениям не быть одинаковыми?

– Шёл бы ты со своей логикой! – отмахнулся Денисыч и направился вверх по осыпающемуся склону. – Ох, не нравится мне всё это!

– А-а-а!!!

Денисыч оглянулся на отчаянно заверещавшего, замершего в наклоне, Мишу. Ничего особенно страшного в округе не заметил: никто Мишане в спину не вцепился, и небо на голову пока не падает.

– Ты чего орешь? – спросил обречённо.

– Да нет, ничего страшного.

Мишаня разогнулся, машинально стряхнул пыль с живота, хотя толку от этого действия оказалось чуть – тут же села обратно, точно магнитом её притянуло.

– Это я так, от неожиданности. Какая-то тварь прямо изпод ног выпрыгнула.

– Какая ещё, нафиг, тварь? – насторожился Денисыч. Тварей только и не хватало.

– Да вон она... сидит.

Действительно, в нескольких метрах от них, изогнув спи-

ну, расселась ящерица. Самая обычная, с тёмно-коричневой спинкой и совершенно отрешёнными, немигающими глазками. Вероятно, невдомёк серобрюхой, что за существа попытались ей на хвост наступить.

– Что-то, Мешок, всё больше мне это не по душе, – задумчиво проговорил Денисич. – Это ведь живое существо, не какое-то сухое растение. Гадом буду, видал я уже в пустыне такую же тварь, только та дохлая была. Но после того, как рядом с ней граната шарахнула, это и неудивительно, как считаешь?

Позади них что-то утробно взревело, взметнулся ввысь столб пыли и песка. С животным урчанием сигарообразное тело ракеты вгрызлось в песок, не спеша в него погрузилось. И минуты не прошло, как на поверхности остался лишь небольшой, рыжий холмик. Наступила тишина.

– Ну вот и всё, Мешок! Пройдёт совсем немного времени, и рванёт здесь всё очень громко и красиво! Пошла родимая.

– Значит, мы свою миссию выполнили? – спросил Миша и глазками моргнул удовлетворённо. – Теперь всё будет хорошо?

– Не для нас, это точно. Но, в принципе, да.

– Но ведь мы должны были сначала определить... Хотя, неважно. Главное – свою планету мы спасли.

Денисич посмотрел на умиротворённое лицо спасителя человечества и тяжело вздохнул. Жаль портить человеку такое возвышенное состояние духа, ну, да что делать? Придёт-

ся. Откашлялся, взглянул на Мишу с жалостью.

– Я тебе, Мишаня, хочу одну вещь сказать, только ты сразу не умирай. Это будет неправильно. Мы от взрыва твоей бомбы умереть должны, а не от кровоизлияния в мозг.

Замаялся на секунду, привычно уже вздохнул.

– Я, видишь ли, таймер слегка переставил. Ракеточка по-медленнее двигаться будет, и планету взорвёт часиков на несколько попозже, чем запланировано. На двенадцать, если точно.

Мишаню в сторону повело, глаза осоловели слегка и воздух покинул лёгкие с отчётливым, громким сипением. Пришлось за руку бедолагу хватать, поддерживать.

– Эй, эй! Дыши глубже, дружочек. Подумаешь, мелочь какая.

– Вы... Ты...

Мишаня с трудом опомнился настолько, что смог разумно выразить свои сумбурные мысли.

– Что ты сделал, алкоголик? – взвизгнул истерично. – Ты переставил таймер? Да ты хоть представляешь, старый дегенерат, что ты натворил?!

– Мишуля, ты же интеллигент! – воскликнул Денисыч укоризненно. – Хотя в этом и не виноват. Выбирай слова! Конечно, представляю. Я всегда сначала думаю, а потом делаю, в отличие от вас, очкариков.

– Но ведь ты же помнишь инструктаж! – Миша в отчаянии ухватился за голову, едва не взвыл. – Если взрыв не

произойдёт по плану – начнётся перемещение сюда людей с Земли! Ты хоть представляешь, сколько человек успеет переместиться за двенадцать часов?

– Надеюсь, много, – серьёзно глянул на учёного Денисич. – Для того всё и затевалось. В кои-то веки, окажу действительно ценную услугу человечеству. Сюда хлынет вся пена, вся грязь, всё дерьмо нашего общества. Сливки, короче говоря. Вот сюда они и сольются. И когда вся дрянь здесь соберётся, планета разлетится на мелкие кусочки! А я при этом буду присутствовать. Вот оно, наслаждение! Правда, я весёлый?

– Ты сумасшедший! – опустил руки Мишаня.

– Естественно. Нормальный человек сюда бы и не прилетел. Ты не в счёт, у тебя от учёбы мозги давно свихнулись.

Глазки зажмурил, длинные, костлявые руки на впалом животе сложил, губы в блаженной улыбке расквасил.

– Какое удовольствие получу напоследок! Ведь они меня сюда послали умирать, а сами, сюда же, прилетят спасаться. Ах, как им будет неприятно узнать, что на этот раз умирать за них никто не собирается. Придётся самим!

Миша грузно осел на песок и закрыл лицо ладонями. Плечи опустились, показалось – сейчас разрыдается. Но обошлось.

– Но ведь ты солдат! – выдавил едва слышно. – Ты просто не мог так поступить. Ты же всегда выполнял приказы. Именно поэтому тебя сюда и послали.

– Так я и выполнил приказ, – спокойно отозвался Денисыч. – Планета-двойник взорвётся, Земля будет спасена. А жизни людей, что сюда прилетят... Всего лишь маленький подарочек мне за годы безупречной службы. И мой личный подарок человечеству. Правда, я щедрый?

– Нет, ты моральный урод!

– Ну, а я и не спорю. Всегда совмещаю приятное с полезным.

Денисыч присел рядом со скорчившимся учёным и сунул ему стакан с вином. На этот раз Миша и не подумал отказаться. Выпил единым духом, но, с непривычки, сморщился конечно.

– Дрянь какая! – выдохнул с отвращением. – И всё-таки – зачем? Легче тебе от этого станет?

– У нас времени много, объясню, пожалуй.

Денисыч в небо глянул, зажмурился – что кот на завалинке.

– Когда-то, в давние времена, чтобы убить человека, нужно было посмотреть ему в лицо. Ну вот не было тогда ни бомб, ни ракет, ни длинноствольной артиллерии. И к врагу нужно было подходить вплотную. А ещё, была у людей забавная традиция: правитель сам вёл в бой своё войско. Согласись, справедливо: кто принял решение воевать – первым голову и подставляет.

Денисыч поднял перед собой руку, указательным пальцем многозначительно покачал.

– Свою, заметь, голову. А потом традиция умерла. И на войну стало принято посылать.

Неожиданно лицо его перестало быть благостным. Жёстче пролегли глубокие складки, взгляд затвердел и губы в острую нитку истончились.

– Так вот, дружище. Всю мою жизнь я выполнял приказы, ты прав. Кто-то решал начать войну и посылал воевать меня. А потом оценивал, хорошо ли я это делал, не наградить ли чем-нибудь. А можно и не награждать, тоже не сдохну. Так вот, единственный раз в жизни я хочу, чтобы меня не посылали умирать. Пусть хоть раз они меня на смерть поведут!

– Но ведь в том, что случилось с Землёй они не виноваты! – воскликнул возмущённо Мишаня.

– Послать меня сюда это им не помешало.

– Но ведь они обещали отправить сюда твою дочь!

– Да, первой же партией, – покладисто согласился Денисыч. – Но ты плохо знаешь этих людей. Никогда не дойдёт очередь до первой партии! Потому, что найдётся миллион важных государственных и глобальных причин отправлять внеочередные партии. Всегда найдётся миллион людей, которые намного важнее для них, чем моя дочь. И не думай, что меня обманули. Нет, до неё просто не успеет дойти очередь.

Миша покосился на стаканчик в руках напарника, словно хотел добавки попросить. Но не решился, только тяжёлой головой из стороны в сторону помотал.

– Тогда почему ты здесь? Если ты уверен, что они не будут спасать твою дочь, почему согласился лететь сюда?

– Что бы спасти её самому. Я взорвал бы эту планету, даже если бы здесь рай оказался. Просто потому, что в этот рай не попадут те, кто его действительно заслуживает.

– Теперь ты решаешь, кому стоит жить? – хмыкнул Миша.

– Я давно решил, кому жить не стоит.

Замолчали тягуче, надолго. В преддверии смерти планеты поболтать оказалось совершенно не о чем. Денисыч хмуро глядел на небо и беспокойное томление разливалось в груди. Как бы не помереть раньше времени, самая-то радость впереди! Вот обидно будет не увидеть. А тут ещё умник этот окосел с одного стакана, бормочет что-то, глядит в песок и чертит пальцем. Ладно бы хоть формулы писал, как Архимед перед смертью, так нет же, выводит замысловатые каракули, импрессионист доморощенный. Хотя, может это и есть формулы? Их, учёных, поди разбери.

– Грустишь, Мишуля? – толкнул бедолагу локтем. – Не надо, скоро начнут сливки общества подтягиваться, развлекут нас – обхохочемся.

– Нельзя было так делать, Константин Денисович, – прошептал тот. Успокоился, про вежливость вспомнил.

– Согласен, так себе люди, но люди всё-таки.

– Тебе-то что за печаль? – искренне удивился тот. – Ты о моих планах не знал ничего, не тебе и совестью маяться. Не твою задницу в аду поджаривать будут. Ты прямо отсюда в

рай попадёшь, вот и костюмчик у тебя беленький, подходящий. Только крылышки присобачить. А меня, в таком виде, только в ад. В трусах-то грязных.

– Всё шутите? – кисло скривился тот. – Налили бы лучше... Выпить-то, вроде, не грех?

Денисыч с готовностью набулькал стаканчик и протянул Мише.

– Ты не стесняйся, баллон большой, до смерти хватит. Каламбур. А над тобой, Мешок, я просто изумляюсь! Ты бомбу сделал такую, что целую планету вдребезги разнесёт. И запустил её уже!

– Не сам! – возмутился тот.

– Какая разница? Главное – она планету взорвёт, а ты сидишь и думаешь, не грех ли вина стаканчик выпить. Тебе ли, мил человек, о грехах-то беспокоиться?

– Конечно! – вскинул нос картошкой Мишаня. – Вам, с вашим боевым опытом, вообще об этом думать смысла нет. Вот вы и о других так судите.

Денисыч отмахнулся от Мишани, словно тот глупость какую, по недомыслию, ляпнул.

– Э-э-э, много ли я за свою жизнь успел людей ножичком-то порезать? По сравнению с вами, очкариками, я ангелочек белоснежный! Вы вон целые планеты глушите не напрягаясь!

В это время, из-за безликого бархана, донёсся странный, протяжный звук. Миша недоумённо вытянул шею, пытаясь

понять, что это за новая напасть и вопросительно взглянул на Денисыча. То, что увидел, заставило учёного испугаться по настоящему. Смуглое лицо Денисыча растеряло тёмные краски и стало матово-белым, а глаза наоборот – превратились в две бездонные, чёрные ямы. Бывший вояка вскочил, словно собирался куда-то бежать, но так и замер в нелепой позе легкоатлетического высокого старта.

– Вы чего, Константин Денисович? – от волнения начал заикаться Мишаня. – Что это было?

Непослушными губами Денисыч кое-как прошлёпал.

– Верблюд...

– Что значит – верблюд? – не понял Миша.

– Скотина такая – верблюд. Ящерицу я ещё пережил, но ведь это же верблюд!

– Может, похоже только? – попытался успокоить его Миша.

– Что я, верблюда никогда не слышал? – вызверился тот, зыркнул на учёного недобро. – Орёт, гадёныш, как будто ему...

Денисыч, наконец-то, смог скинуть оцепенение и бросился вверх по осыпающемуся склону бархана, затейливо перебирая ногами и слегка согнув колени. Миша побежал было следом, но тут же в песок и зарылся. Непростая оказалась задача – по песочку-то бегать, да не по пляжному. Да ведь и по пляжу не больно-то поскачешь. Старый алкоголик, который явно имел в этом деле неплохой опыт, уже на вершине

оказался, а Миша, загребая всеми конечностями, едва перевалил за половину. Запыхавшись, отплёвываясь от вездесущего песка, подполз к окаменевшему Денисычу и поднялся на трясущихся ногах.

С другой стороны бархана, действительно, стоял верблюд и, низко опустив голову, жевал какую-то колючку. А на его спине, аккуратно меж двух горбов, сидел человек. С ног до головы закутанный в светлую ткань, с карабином за спиной, и с тюрбаном на голове, из под которого настороженно глядели чёрные глаза.

– Действительно, Константин Денисович, верблюд.

– Ты заткнись лучше, придурок!

Денисыч гортанно выкрикнул несколько фраз на незнакомом Мише языке и помахал рукой. Человек на верблюде оказался не столь общительным. Правда, прокричал что-то в ответ, но тут же развернул горбатую скотину и взялся ожесточённо нахлестывать её длинным прутом. Верблюд, смешно взбрыкивая голенастыми ногами, помчался подальше от странных незнакомцев, а Миша непонимающе уставился на Денисыча.

– Вы с ним разговаривали! Откуда тут люди? Откуда вы знаете их язык? Это же инопланетяне... вроде как.

На этот раз пришла очередь Денисычу обессилено опуститься на песок. Он даже за стаканчиком не потянулся, что являлось верным признаком окончательного расстройтва чувств.

– Ты что, очкарик, полный идиот? Это Земля, планета наша родимая!

– Но как же это? – удивился Миша и улыбнулся слабо, неверяще. – Ведь мы были в энергопотоке, мы по нему перемещались, летели...

– Значит, недолетели! Позже разберёшься, Мишаня, почему не долетели, а сейчас нам очень быстро шевелиться надо. Мы же ракету запустили! Вспоминай, очкарик, как её остановить?

Мишаня, до которого только сейчас дошло, что они на родной планете, после этого вопроса впал в ступор. Уставился на Денисыча, словно нагадивший щенок – преданно и виновато.

– Ну должны же вы были придумать какой-то механизм отмены взрыва? – проорал ему в лицо Денисыч, ухватил за плечи, встряхнул так, что голова бедного учёного едва по уклон не укатилась. – Самоликвидацию-то вы хотя бы предусмотрели? Пока эта штуковина до ядра планеты не докопалась, от её взрыва большой беды не будет. Ну?

– У нас времени на это не хватило, – проблеял тонко Мишаня, ухватил Денисыча за руку и в глазах мелькнуло что-то, похожее на мысль. – Пойдите, а ведь когда мы сюда упали, защитного кокона с нами уже не было! Значит, перегрузку мы недооценили, защита разрушилась и мы выпали из потока на Землю. Просто не успели долететь до другой планеты!

– Ты что, совсем идиот? – злобно прошипел Денисыч. –

Кому сейчас интересно, как мы сюда попали? Сказал бы я, откуда ты выпал!

Сглотнул вымученно, руками перед лицом всплеснул, просипел страшно, свистяще.

– Делать-то теперь что?

Миша очумело хлопал глазами и ещё долго бы этим занимался, но получил звонкую, тяжёлую оплеуху. Проскулил виновато.

– Даже если мы успеем связаться с командованием – догнать ракету не сможем. Не надо меня больше бить.

– Убить тебя надо было! – оскалился Денисыч и, по глазам судя, вполне уже решился на такое злодеяние. – В раннем детстве ещё.

Отпустил обмякшего учёного, руки в карманы затолкал, хмыкнул обречённо.

– Ну что ж, от всей души поздравляю тебя с первым совершённым убийством. Правда настолько неудачно промахнуться, чтобы попасть в собственный лоб... Мне ещё в жизни не приходилось. Единственное, на что уповаю – не на тебя, господи! На тебя давно уже надежды нет. Исключительно на тупость наших мозгоблудов. С защитой они не рассчитали, авось и с массой заряда ошибутся.

Подмигнул притихшему учёному, усмехнулся криво, невесело.

– Правда, я оптимист?

* * *

Денисыч уютно поёрзал в растянутой парусине кресла. Очень удачно получилось: никто не успел занять его место, не унюхал припасы и не спёр любимую палатку. В развалинах города, где редкозубо торчали чудом сохранившиеся дома, уже без страха копошились люди, отыскивали всё, что хоть как-то может пригодиться в будущей жизни. Отсюда они выглядят крохотными, многочисленными, суетливыми муравьями – да так и есть, на самом деле. Неподальёку, в поле, уже начали вырастать кособокие хибары – эмбрион будущего города. Человечество стряхнуло с себя пыль старого мира и сноровисто принялось строить новый. Такой же уродливый, что и тот, с которым недавно рассталось. Ну, не умеют строить ничего другого – ведь люди-то остались те же.

– Вы не изменили своим привычкам, Константин Денисович.

За спиной, так же неслышно, как и в прошлый раз, появился холёный офицер штаба. Вот чёрт, – без особого раскаяния подумал Денисыч, разглядывая парадную форму офицера. Так ведь и не удосужился имя спросить.

– Решил, что уже не смешно разгуливать со своими аксельбантами?

– В этом появился смысл, – тонко улыбнулся тот, гордо выпятил и без того не впалую грудь. – Мир-то вы всё-таки спасли, а вместе с ним и мою карьеру. Правда, в новом мире её придётся начинать сызнова.

Денисыч заметил, что на его погонах осталось лишь по две звезды вместо трёх. Из старшего лейтенанта превратился в простенького. Досадно, наверно. Сочувствующе покачал головой, проговорил глумливо.

– У твоего начальства, дружище, совершенно отсутствует чувство юмора. Неужели из-за меня?

– А то! За проведение операции отвечал я. После того, как начальники двенадцать часов жарили задницы в пустыне, им отчего-то захотелось на ком-нибудь отыграться.

Изобразил нарочито удивлённое выражение лица, руки дурашливо в стороны развёл.

– До сих пор ума не приложу – откуда такое желание? Нормально же отдохнули. Тем более – даром. Утешает одно: вам, похоже, памятник от благодарного человечества, тоже не водрузят. Избранники народные наверняка не скоро забудут ту несравненную прогулку. Вернее, не забудут никогда. Мне можете смело верить, я их породу хорошо знаю.

– Да мне и не надо, – беззаботно отмахнулся Денисыч, словно его не мировой славой лишили, а стаканчика противного, тёплого пива. – Лишь бы жить не мешали. Правда, я неприятный? А вот Мишане не грех было бы и бюст какой-нибудь на родине установить. Честно старался парень.

– Да ни к чему теперь Мишане памятники, – печально улыбнулся офицер. – После неудачной попытки угробить собственную планету, Мишенька слегка умом повредился. На спасителя человечества никак не тянет. Непонятно толь-

ко: он с катушек съехал от того, что не получилось угробить? Расстроился?

– С тобой приятно разговаривать, дружище, – ухмыльнулся Денисыч. – А Мишаню жаль. В первый раз попробовал кого-то убить и на тебе, такая неприятность.

– Вот и не лез бы не в своё дело, – торжественно заключил красавчик-офицер. – Как я, например.

Замолчали. Учёные мужи все-таки ошиблись, и заряда ракеты не хватило для того, чтобы развалить дом родимый на куски. Не всем посчастливилось пережить чертовски мощный катаклизм, когда ядро планеты потеряло стабильность после взрыва; последовавшую за ним вереницу землетрясений, извержений вулканов и наводнений; месяц сплошной ночи, от висевшего в воздухе пепла. И радость от сообщения учёных о том, что взрыв разорвал-таки пуповину и планета-паразит не успела уничтожить Землю. Конец света, в очередной раз, отодвинулся на неопределённое время.

– Но планету вы всё-таки спасли.

– Ну так, старались, – выпрямился Денисыч с показной гордостью. – Пусть коряво, бездумно, совсем не так, как планировали и с многочисленными жертвами... Короче, как обычно. Но спасли, однако.

– В любом случае, спасибо.

– Да, – Денисыч кивнул в сторону далёких, неутомимо копошащихся фигурок. – Теперь мне придётся ещё примерно с годик наблюдать, как мои соотечественники вновь уродуют

планету. Видишь, как стараются? Скоро здесь от бараков места свободного не останется. Для правительства особо роскошный барак следует отгрохать, а?

– Подземные пункты управления сохранились, – успокоил штабной офицер, заверил со знанием дела. – Вам, Константин Денисович, такая роскошь и не снилась. Так что, за правительство не волнуйтесь, они без золотых унитазов не останутся.

Фуражку умопомрачительных размеров на голову водрузил, приосанился.

– Ну что ж, мне пора. Собственно, меня к вам никто и не посылал, я сам решил съездить. Просто поблагодарить. Без всяких шуток, на этот раз.

– Тогда, пожалуйста, коли уж без шуток, – отозвался Денисыч, но улыбаться не перестал. – Чего ресничками хлопашь, служивый?

– Не пойму я вас, Константин Денисович. У вас карьера была – позавидуешь! Не отпусти вы того резидента – сверкали бы шитьём генеральским почём зря! Почему?

– К тебе, лейтенант, тоже когда-нибудь придёт время обернуться, – Денисыч вздохнул, поморщился. – И не дай тебе бог, увидеть за спиной то же самое.

Однако не удержал назидательную серьёзность, плеснул смешочком.

– И потом, какой тогда идиот планету бы спасал? У нас не все герои с циррозом печени. Правда, я предусмотритель-

ный?

Денисыч грустно смотрел вслед уходящему офицеру. Хороший парень, как оказалось. Ну да ладно, уж он то не пропадёт, белокурая бестия. А вот о любимой дочурке нужно побеспокоиться. Так ведь и не довелось повстречаться в пустыне. Прав оказался, как всегда – не дошла до любимицы очередь на эвакуацию. Придётся самому к ней добираться.

Ничего, время ещё есть. Теперь у всех время ещё есть.

Неестественный отбор

Рассказ

– Ну что, Малыш, страшно?

Сержант зловеще ухмыльнулся, сверкнул двумя рядами стальных пластин – они заменили старому вояке давно потерянные зубы. Конечно, можно придать звериному оскалу и более цивилизованный вид, но, похоже, воинственный и угрожающий блеск стали, более соответствует эстетическим запросам сержанта. Малыш скорчил унылую гримасу – что оказалось совсем несложно, при нынешнем настроении. Неопределённо пожал плечами, хрустнул бронепластинами.

– Пока ещё не понял, – проговорил вполголоса.

– Ладно, хоть не врешь, – одобрительно качнул тяжёлой головой сержант. – Героев недоделанных я уже насмотрелся.

– А что случилось-то, командир? – буркнул кто-то из полумрака. Не очень заинтересованно, судя по тусклому, бесцветному голосу. Лишь бы время чем-нибудь занять; вот, командира хоть послушать. От нечего делать, что называется.

– Внимание, слушать всем! – с готовностью отозвался командир. – Два часа назад грузовой челнок нашей компании атаковали с поверхности планеты. Рухнула посудина где-то возле подножия горного хребта – того, что к Базе поближе. Челнок гражданский, поэтому ни защититься, ни определить тип оружия они не смогли. Пока падали, успели пере-

дать аварийный сигнал, но, понятно, ничего толкового сказать не сумели. Да и не успели.

Сержант помолчал пару секунд. Не то сочувствующе, не то укоризненно. Да и то сказать – мало ли, что гражданские? Должны были успеть, не маленькие.

– Задача группы – отыскать обломки, оказать помощь экипажу, если кто жив остался. Ну и, ясное дело, изловить этих чёртовых зенитчиков, будь они неладны. Окажут сопротивление – уничтожить на месте. Не окажут... тоже. Мороки меньше. Не хватало ещё башку подставлять, чтобы эту падаль живой захватить. Нам за пленных отдельно не доплачивают. Вопросы есть?

– В челноке опять какую-нибудь гадость тащили? Подходить-то к нему можно или лучше не нужно?

По характерному, гнусавому голосу Малыш без труда опознал сапёра группы. В одной из многочисленных, пьяных драк, которые сапёр никогда не пропускал, ему основательно поломали, и без того неприглядный нос. Теперь, даже при неважнецком качестве связи, голос бойца звучал бесподобно и узнаваемо. Интерес сапёра тоже вполне понятен – обследовать обломки первым предстоит ему, по должности. Заинтересуешься тут.

– Нет, обычный груз, – успокоил командир, но при этом, почему-то, поморщился. – Генераторы, запчасти, ещё какая-то железная требуха. Ничего особенного. По крайней мере, мне так сказали.

– Ну да, они скажут! – от гнусавого дребезжания сапёра, настроение прокисло у всех окружающих. Вполне и контакты в схемах катера окислиться могли, а это чревато.

– Ладно, не пыли, землеройка! – с досадой рявкнул сержант, зыркнул в полумрак неприязненно. – Прилетим, разберёмся. Кстати, наш новичок сегодня впервые в деле. Поздравляю с боевым крещением, Малыш!

Хора поздравлений не последовало. Лишь недавний, равнодушный голос поубавил Малышу радости – а той и так негусто было.

– На обратном пути поздравим. Если будет кого. И кому. Малыш не успел ещё настолько хорошо узнать группу, чтобы по голосу определить доброго человека. А впрочем... В любого, не глядя, пальцем ткни – лучше некуда.

Серая утроба десантного катера навевала уныние и, даже вполне здорового человека, могла легко довести до клаустрофобии. Восемь бойцов уселись по четыре вдоль бортов, одинаковые, неуклюжие фигуры, сливаются с окраской стен. Упакованные в броню тела щедро изуродованы множеством бронепластин, подвесок, подсумков и разных приспособлений, применения которым гражданский человек за всю жизнь не придумает. Да и не всякий военный тоже. Лица закрыты масками с респираторами и бойцы одинаково-бессмысленно таращатся на мир круглыми, стеклянными глазами, слегка подёрнутыми туманной дымкой поляризационной плёнки. Без лупоглазых намордников, к сожалению, по-

гулять не выйдет. Атмосфера на планете вполне соответствует запросам человека, а вот погода не балует и частые, мощные бури постоянно держат в воздухе тонны песка и пыли. Вот с этой наждачной радостью респираторы и борются, с трудом, но справляются. По крайней мере, часа на два работы на свежем воздухе их хватает. Универсальные энергетические винтовки, что крепко облапили тёртые бойцы, составляют единственное вооружение группы. Да другого и не требуется. Это оружие может работать и как винтовка, и как пулемёт. А если добавить мощности – то и вместо гранатомёта ухнет – добавки не потребуется. Одним словом – универсал.

На спине у Малыша, уродливым горбом встопорщился ящик из бронепластика – так называемый коммуникационный куб. Портативный гроб обеспечивает группе связь с Базой, ориентировку в любой точке планеты, находит свои и чужие биологические объекты. А ещё забит под завязку картой, изображений и сведений, которые могут помочь группе при выполнении задания. Золотая коробочка, если коротко, хоть и цвету серого. Конечно, конструкторы постарались сделать комкуб как можно более компактным, но всё равно, гроб получился изрядный: громоздкий, неудобный, увесистый.

Малышу неподъёмная радость досталась по одной причине – больше никто в группе не мог этой аппаратурой управлять. Собственно, это единственная причина, почему

зелёный новичок вообще в боевую группу угодил. По всем остальным параметрам, делать ему здесь абсолютно нечего. Неимоверно дорогой имплант на затылке, называемый так же цефаллоразъёмом, обеспечивал прямое соединение с электронными мозгами любой современной техники, но именно он и сожрал все сбережения Малыша. В той ещё, гражданской жизни. Следовало каким-то образом восстанавливать личный бюджет, и это уже причина того, что Малыш оказался на забытой богом планете. Служба в охранных группах различных компаний и фирм приносит немалый доход – тому, кто доживёт до конца контракта. Но, если для Малыша это необходимая, но временная работа, то остальные бойцы группы только этим в жизни и занимаются.

Малыш чувствовал себя среди них зайчиком, в окружении матёрых волков. Проще говоря, именно малышом себя и чувствовал.

– Малыш, хватит пялиться на Дикобраза! – рявкнул сержант громоподобным голосом. – Не дай бог тебе его без маски разглядеть. Подключись к внешним камерам, осмотрись там, за бортом.

Малыш с удовольствием выполнил приказ. Подключиться напрямую к системам катера – единственная возможность сбежать из мрачной, затхлой коробки. Не в прямом смысле, конечно, брэнное тело останется внутри. Но душа...

Лёгкий щелчок в одно мгновение избавил его от нудного полёта внутри стального брюха машины. Теперь он воспри-

нимал мир всеми камерами и сенсорами десантного катера – он сам стал катером. Именно так пилоты управляют летающей машиной – как собственным телом. Шероховатые, песчаные струи шлифуют кожу-обшивку, перекатываясь от носа к хвосту, яростные порывы ветра ударяют в бока, напрасно силясь сбить с курса. Теперь он стал мощной, боевой птицей, способной не обращать внимания на погодные мелочи. Он летел. Правда, Малышова птица может чувствовать, слышать и видеть, а вот управляют ею пилоты, только у них допуск имеется. Интересно, – подумал Малыш и улыбнулся, – пилоты чувствуют щекотку, от песчаных струй? Вон, как они катер облизывают – что псина косточку. Забавное, наверно, чувство.

– Малыш, раздолбай, не увлекайся! – ворвался в идиллический мир стальной голос командира. – Доложи обстановку.

Эх, сержант, как же можно этим не увлекаться?! – молча подивился Малыш. Не понять тебе, владеющему только своим, не особо совершенным, человеческим телом.

– За бортом относительно слабенькая буря, – доложил не по уставу. – По поверхности даже ходить можно, не унесёт. Горная гряда – справа по курсу, дистанция метров восемьсот. Стоп! Командир, вижу грузовой челнок, дистанция полтора километра.

– Характер повреждений? – зазвенел голос сержанта. Словно стальные пластины во рту завибрировали.

– Не разобрать, из камней один хвост торчит. Раскидало качественно, обломки по всей округе валяются.

– Живые есть?

– Аппаратура не фиксирует, но вряд ли, – Малыш запнулся, помолчал секунду. – Видел бы ты, командир, в какую лепёшку его расплющило. Но даже если и выжил кто – отошёл подальше от места крушения.

– Понятно, – хмуро пробормотал сержант. – А мёртвые?

– На виду нет. Придётся ножками идти, проверять.

– Поучи меня ещё! – привычно вызверился командир. – Сколько до челнока?

– Мы уже практически над ним, переходим в режим зависания.

Мощный, зубодробильный удар едва не вышиб дух из бедного Малыша. Пропустив оглушительный, боковой удар в челюсть, тяжёлый, бронированный катер волчком завертелся в воздухе и Малыш, не успевший выйти из соединения с сенсорами обнаружил, что боевой птице оторвало голову. На месте кабины управления, где только что сидели пилот и штурман, не осталось ничего, кроме пучков оборванных кабелей и проводов. Они отчаянно и жалко мотались на ветру, словно разорванные сухожилия, артерии и вены обезглавленного существа. И тотчас, словно сработал неведомый, защитный механизм психики, соединение со смертельно раненым катером прервалось само собой. Малыш вновь очутился в спёртом пространстве десантного отделения, вернул-

ся из внешнего ада во внутренний. Сержант уже успел натянуть маску и судорожно сжимал в руках винтовку.

– Малыш, обстановка?! – промычал сдавлено.

– Катер без управления! – придушенно выдохнул Малыш. – Падаем! Срочная эвакуация!!!

– Это мои слова, щенок! – взревел командир обозлённо. – Всем покинуть катер!

Напрочь забыв, что может активировать катапульту простым мысленным усилием, Малыш нащупал рукоятку, вцепился и, что есть силы, рванул вверх. Резкий толчок, больше напоминающий пинок под зад, вышиб его из катера вместе с креслом. Внутренности тут же слиплись в большой, бесформенный ком, развернулись и связались между собой двойным узлом. И вернулись на места – только, похоже, не на свои. Перед глазами, словно в бешеном калейдоскопе, мелькали попеременно горы, песчаные дюны, чьи-то болтающиеся ноги – вероятно, собственные. Никаких умных мыслей в голове Малыша в этот момент не роилось, а потому спасением жизни занималась автоматика кресла. Сработали стабилизирующие хлопушки, останавливая беспорядочное вращение, вслед за ними взвыли посадочные тормоза и кресло, в правильном положении, с маху воткнулось в песок, погрузившись в зыбучую массу едва ли не на треть. Каким образом не рассыпался в прах слабенький, человеческий позвоночник, оставалось только догадываться. Приехали. Ошарашенный бешеным вращением Малыш потерянно хлопал гла-

зами, медленно приходя в себя.

– Внимание группа, доклад! – не заставил себя ждать голос сержанта.

Малыш – носитель самой ценной аппаратуры, без которой существование группы становится сомнительным и вообще бессмысленным. А потому на этот приказ обязан отзываться первым.

– Комкуб в норме! – просипел придушенным голосом, надеясь, что сержант, если и не разберёт слов, то, по крайней мере поймёт, что боец жив. Следом послышались такие же неестественные голоса, сообщавшие, что и они приземлились нормально. Из восьми откликнулось четверо, но пока это ничего не значит – при такой сумасшедшей посадке бойцы вполне могли просто потерять сознание. Сержант подождал ещё минуту, но в эфире лишь назойливо шуршали атмосферные помехи.

– Всё! – гаркнул решительно. – Сбор группы на мой маячок. И пошевеливайтесь, уроды, нам ещё воевать! Наверняка ведь решили, что это было самое страшное? А всё только начинается!

* * *

Группа привычно развернулась в жиденькую боевую цепочку. Людей осталось так мало, что Малышу не пришлось даже сканировать всю территорию – бойцы уместились в пределах одного мимолётного, электронного взгляда.

– Малыш, перед нами гряды, – рывкнул сержант звенящим в боевом напряжении голосом. – Откуда стреляли?

– Я ничего не фиксирую, – растерянно отозвался Малыш.

– Тебе что, студент, мозги при посадке прищемило? – вызверился сержант. – Энергетическое оружие обязательно оставляет след.

– Как и любое другое, – Малыш суматошно менял диапазоны систем наблюдения, но так ничего и не обнаружил. – У меня чисто во всех диапазонах.

Сержант прошипел что-то злобное и непонятное. Хотя, чего уж тут не понять?

– У меня не только следов выстрелов нет, – добил его окончательно Малыш. – Техника и самого противника не фиксирует.

Малыш отключился от электроники и взглянул на окружающий мир своими глазами. Оптика не в счёт. Песок и пыль, пыль, пыль... Бойцы группы, заботливо прикрытые камуфляжем, растворились в этой пыли и разглядеть получилось только смутные очертания самого ближнего. Он сейчас превратился в уродливый, бесформенный валун, из которого торчит странная палка – ствол энергетической винтовки. Несколько мгновений оружие старательно обнюхивалось, точно кобель охотничий, а затем замерло, в струнку вытянулось. На конце ствола пространство исказилось, словно от камешка, брошенного в стоячую воду; хорошо заметный, ослепительно-белый шарик метнулся в сторону каменистой

гряды и вспыхнул яркой кляксой на шершавой поверхности. В эфире просипел довольный голос.

– Обнаружил вход в пещеру, метку поставил. Больше тут прятаться негде. Там этот урод засел!

Малыш в этот момент смотрел прямо в сгорбленную спину бойца и поэтому не пропустил ничего. Безо всякой видимой причины человека подкинуло и разметало в мелкие клочья; куски снаряжения и брони плеснули веером с такой скоростью, словно имели собственные двигатели; от бойца не осталось вообще ничего, даже мокрого пятна в пушистой пыли. Малыш и сам не понял, как оказался лежащим на животе, придавленный громоздким ящиком. Дыхание перехватило, словно от хорошего пинка в живот и только в этот момент осознал, что падать со всего маху в полной боевой экипировке себе дороже. Ничего профессионального в стремительном падении не было – исключительно инстинкт самосохранения. Голос сержанта в эфире провыл уже даже не злобно – затравленно. Да и то: кому понравится работать беспомощной мишенью в тире?

– Малыш, гадёныш, ориентируй уже на цель!

– Тип оружия не определён, следов выстрела нет! – пропыхтел тот насколько смог внятно. – Но стреляли точно из меченой пещеры.

– Как определил?

– По вектору... По брызгам.

Горло Малыша надёжно запечатало спазмом – подобных

слов о человеке говорить ещё не приходилось. О бывшем, теперь уж, человеке. Да и вообще, всё происходящее мало напоминало рутинное патрулирование, о котором так много написано в контракте. Там, к примеру, даже не упоминается о том, что целую боевую группу, вместе с бронекатером, могут уничтожить вот так, походя: неизвестно кто и непонятно чем. Да и просто – зачем? Ладно бы военный объект охраняли, или загогулину какую секретную. Хотя, поди знай, что там за их спинами строят?

– Всем уцелевшим – огонь по пещере! – взревел сержант, отчаявшись хоть что-то понять.

Малыш старательно попытался выполнить приказ, завозился, словно жук в сыпучем песке, изо всех сил поволок из-под себя оружие. Как и у всякого неумелого солдата, в самый нужный момент, что-то намертво зацепилось, срослось и смёрзлось. Очень скоро понял, что старается отодрать от живота винтовку вместе с бронешитками, перевернулся на бок и оружие отвалилось от тела само.

– Вот же зараза! – выдохнул с досадой.

Только сейчас вспомнил про свою основную обязанность, включился в электронную систему слежения и замер, опешив от увиденного. Сканер не показал ни одной метки, которыми обозначались бойцы группы. На самом краешке поля зрения сканера высветилась единственная точка – метка командира.

– Сержант! – взвизгнул истончившимся вдруг голосоч-

ком. – У нас все убиты! Все убиты!!!

– Да что ж такое? – потеряно отозвался командир. – Когда мы уже завалим эту тварь?! Укройся где-нибудь, не отсвечивай!

С того места, где сержант изображал из себя серый камень, в сторону пещеры неспешно потянулась цепочка из пяти багровых шаров, раза в два крупнее энергетического сгустка обычного выстрела. Малыш разок видел на полигоне, как взрывается плазмограната, а потому шустро, словно перепуганная ящерка, шмыгнул к ближайшему валуну. Камень мог хоть как-то защитить от того, что произойдёт сейчас. Внезапно погасла и метка сержанта – невидимый, но очень удачливый стрелок, успел достать его раньше, чем гранаты долетели до пещеры. Теперь на поле боя не осталось ни одного профессионала. Студент-недоучка против врага-невидимки. Впрочем, Малышу сейчас стало совсем не до этого.

С оглушающим щелчком вырубилась вся электроника, Малыш ослеп и оглох одновременно, лишь телом ощутил мощный толчок снизу, словно угодил в зону землетрясения. Волна тяжеловесного жара прокатилась по спине, успел подумать, что валун сумел-таки его частично защитить – иначе ничего бы и подумать не успел. Да уже и нечем было бы. Респиратор, не способный охлаждать воздух, плеснул в горло раскалённую пульпу из того, чем раньше можно было дышать и Малыш едва не захлебнулся. Точно щенок грязной

водой в половодье. А неистовая, песчаная буря, рождённая взрывами пяти гранат, бешено хватала зубами его, торчащие из-за укрытия, ноги и норовила уволочь с собой, в коричнево-серую, пыльную мглу.

Так же неожиданно, как и началась, адская свистопляска разом стихла. Словно кто-то её просто выключил. Малыш осторожно высунул голову из-за валуна, но мир вокруг ничуть не изменился, словно и не заметил приключившегося катаклизма. Песчаное болото сожрало брошенный в него камень и сделало вид, что ничего не было. Хотя, Малыш прекрасно понимал: вся группа погибла и нападавший точно убит – не может никто выжить в эпицентре взрыва плазмогранаты.

Просто этому миру на всё наплевать.

Малыш отстранённо подумал о том, что слишком уж спокойно воспринимает происходящее. Смерть стольких людей точно должна шокировать вчерашнего студента. Ну, не стальной же он, в самом деле? Впервые с ним такое. Тяжело перебирая ногами в вязком, вездесущем песке, не сразу, но понял причину ненормального спокойствия.

Нет трупов. Знание о смерти многих людей, осталось лишь знанием, без видимого подтверждения. И сознание просто зафиксировало чью-то смерть, как простую, очередную новость о страшном, но далёком происшествии. Которое не имеет к нему лично никакого отношения. Привычно всё, без ужаса. А доведись по разорванным кишкам шагать

– недалеко бы ушагал.

Мучительно-медленно добрёл до места последнего боя сержанта и огляделся. От командира осталось больше, чем от всех остальных, вместе взятых. Недалеко от командирской позиции, из песка вздымался корявый каменный палец, словно грозивший кому-то, или обличавший в чем-то. Именно на его бугристой поверхности распласталась гротескная, человеческая тень – в том месте, куда швырнуло сержанта крепким ударом неведомого оружия. И осталась от командира только эта вдавленная тень. Сам себе графическая эпитафия.

Малыш вздохнул, зачем-то поглядел по сторонам, словно могло здесь обнаружиться что-то, кроме вездесущего, мелкого песка. Искать живых точно не стоит – уж техник-то группы знает это лучше других. А ещё, хочешь – не хочешь, придётся идти в проклятую пещеру, всё там осматривать и документировать. Отчёт об операции всегда составляет техник, ему оборудование позволяет. Ну, а теперь и докладывать придётся тоже самому. Больше никому.

* * *

Загребая песок тяжёлыми ботинками, и оставляя за собой две борозды, словно вездеход, Малыш направился к чёрному зигзагу в скале – входу в пещеру. Винтовку зачем-то взял наизготовку, хотя и прекрасно понимал: нет в пещере никого, да и быть не может. Ещё в лагере боевой подготов-

ки, на учебных стрельбах, один из инструкторов легкомысленно отнёсся к имитатору плазменной гранаты... Ботинки остались на месте. Ну, и что там в них поместилось, тоже. А всё остальное и собирать не пришлось – очень чистоплотное оружие, надо признать. А ведь всего лишь имитатор. Ну, а после пяти взорвавшихся боевых гранат, да в замкнутом пространстве, не то что ботинок – следов от них остаться не должно. Тут уж без вариантов.

Осторожно заглянул внутрь. Умная оптика быстро приспособилась к сумраку пещеры, вылавливая и усиливая редкие, слабые частички света. Тепловизор оказался совершенно бесполезен. После взрыва всё вокруг сочтётся одинаково горячим, багровым светом и Малыш тут же деактивировал прибор, чтобы не мешал. А вот глазам своим не грех и помочь. Отцепил от пояса портативный осветитель – серебристый шарик, без труда помещавшийся в ладони, сильно сжал и тут же подбросил, от греха подальше. Ослепительно вспыхнувшее мини-солнце взмыло к самому своду пещеры и зависло там, заливая всё вокруг мертвенным, синим светом. Оптика вновь поспешно перестроилась под изменившиеся условия, теперь уже отсекая лишний свет и оберегая глаза хозяина от повреждений. Оставалось только посочувствовать тем, у кого такой аппаратуры нет. Осветитель, кстати, применяют и как боевое оружие – в случае, если противник не располагает современной системой защиты зрения. На бережное отношение к людям этот свет не рассчитан. Впро-

чем, снаряжение, которым щедро увешала Малыша компания, вообще особой добротой не отличается. Не для проповедей придумано, гораздо убедительнее.

Пещера оказалась небольшой, почти круглой, метров тридцати в диаметре, но с очень высоким потолком. По крайней мере, рукотворное солнце до потолка не долетело и зависло где-то посерединке. Плазма старательно и равномерно обработала каменные стены и теперь на них не было ничего постороннего: ни живности, ни растительности – мёртвая, ровная чернота. Песок, лежавший на полу, расплавился, растёкся и застыл черным стеклом с серыми разводами, на котором ветерок закручивал смерчки чёрной же сажи. Картинка получилась фантастическая, а в искусственном свете военной аппаратуры и вовсе сюрреалистичная. Ну, да не до этого сейчас.

Врага не пришлось искать долго. Существо, поразительно напоминающее земную, только хорошо бронированную, гусеницу, оплавленное и безмолвное, лежало недалеко от входа в пещеру. Малыш замер, разглядывая странного врага. То, что оно хоть и сдохло, но не сгорело – практически невозможно. Плазма сжигает всё! А эту тварь только сверху опалило. Аппаратура мгновенно выдала габариты цели: длина три метра, высота в центральной части один метр. Рядом с существом прикорнуло ещё пять таких же, только совсем маленьких, по полметра в длину. Мелким досталось больше; хоть и остались целыми, но обуглились качественно. Малыш

замер и лишь удивлённо хлопал ресницами – как здесь вообще могло хоть что-то уцелеть? А кроме того – из чего стреляли? Понятно, оружие сплавилось, но в любом механизме всегда есть хоть одна тугоплавкая деталь. Ну и где она? Аппаратура её бы точно опознала. Но не завалилось в пещере ничего, что сгодилось бы для опознания.

Только эти странные создания. Кто же тогда отсюда стрелял? И из чего?

И для чего?! Тоже интересно узнать.

Внезапно более крупное существо шевельнулось. От неожиданности Малыш дёрнулся, нажал на спусковой крючок и ослепительно-белый шарик плазмы пробуравил каменную стену, увяз где-то в её глубинах. Боец попятился, споткнулся о собственную ногу и позорно плюхнулся на мягкий, небронированный зад. Винтовка громыхнула по зеркальному полу, куб с аппаратурой упёрся одним углом в спину, другим в пол, удержал тело в сидячем положении – спас от окончательного конфуза. Открыв рот и не в силах пошевелиться, Малыш наблюдал, как из-под гусеницы выдвинулись четыре толстых лапы и заскребли по полу хищно изогнутыми когтями – по три штуки на каждой. Зверюге, как тут же окрестил существо Малыш, сильно досталось в недавнем бою. Подняться никак не выходило и она лишь беспомощно царапала стекло пола. Малыш с ужасом подумал, что она пытается добраться до него и закончить бой полной победой, но быстро понял, что у той и мыслей таких не было. Зверю-

га упорно ползла к пяти обугленным комочкам. Причём, теперь стало хорошо видно, что одна её оконечность – это малоподвижный, толстый хвост, а другая – морда зверя. Как только существо начало двигаться, окалина и пепел ссыпались со шкуры и стало понятно, что её поверхность вовсе не пострадала. Шершавая, серая, такое впечатление, что бронированная – она оказалась всё-таки живая и...целая! Это после плазмы-то!

Зверюга доскреблась-таки до своей цели, замерла на секунду и издала скрежещущий звук. Не громкий, не противный – зовущий, непонимающий. Жалобный? Поочерёдно тыкалась носом в обугленные комочки, двигала их, переворачивала... Затем повернула морду в сторону сидевшего на полу Малыша, замерла, точно каменное изваяние. Тому крайне не понравилось её жуткое внимание и он начал тихонько отодвигаться подальше. Благо по зеркальному полу задница скользит без труда. В это время на морде зверя, по бокам, образовались две длинные складки; медленно, словно нехотя, превратились в щели, а затем и в два больших глаза без век, без зрачков. Просто два больших, чёрных яблока. Но зверюга смотрела прямо на Малыша и видела его – он это совершенно точно знал. Смотрела долго, не моргая, а затем ещё раз жалобно проскулила и опустила тяжёлую голову на пол. Малыш понял, что нападать она и не собиралась.

Но ведь это она сбила транспортник, а затем и десантный катер! Она уничтожила целую группу наёмников! Конечно

она, больше тут и некому.

И вдруг Малыш понял. Посмотрел на полную отчаяния позу зверюги, и словно озарило окаменевшие от страха мозги. Всё сразу встало на свои места.

– Так это твои детёныши были? – пробормотал понимающе. – Мы твоих детишек спалили, выходит?

Зверюга безмолвно устала на него бездонными, чёрными глазищами. Наверно, у неё просто нет слёзных желез, потому, что сейчас она точно плачет – без слёз. Но Малыш так остро почувствовал боль странного существа, словно увидел эти слёзы наяву.

– Ну ты, мать! – он осторожно поднялся, закинул винтовку на плечо и поднял вверх ладони в красноречивом жесте непонимания.

– Зачем же ты на наших напала-то, дура!?! Испугалась? Они же просто мимо пролетали, знать не знали, что ты тут со своим выводком обитаешь. А теперь посмотри, что вышло – одни покойники! И ваши и наши.

Зверюга не ответила, закрыла глаза и замерла так, словно тоже решила умереть. Или действительно умерла – поди знай. Подходить и пульс щупать желания как-то не возникло. Да и в каком месте щупать? Поискать ещё придётся. Малыш вновь посмотрел на жалкие, обугленные тельца зверюгиных детишек. Видимо, не успели нарастить шкуру непробиваемую, как у мамыши, вот и досталось по полной программе. Хотя, даже и с детской кожицей, полностью не сгорели, а это

О многом говорит.

Малыш понял, что бой закончен, убивать его не станут. Повернулся к выходу, и зашагал, настраиваясь на связь с Базой.

* * *

Спиртное на Базе не запрещалось, и неофициально даже приветствовалось. Если ты не на боевом дежурстве – так хоть вовсе из бара не вылезай. Всё Компании прибыль, и не малая. Малыш так и поступил – не вылезал из бара уже второй день. Ну, не то, чтобы подряд... После первого дня проснулся в каком-то малопосещаемом и малопочтенном месте, но, едва только ноги признали главенство мозга, отправился обратно в бар, за тот же столик. То, что всё это время валялся без чувств, Малыша не волновало ничуть. Потеряться на автономной Базе проблематично, а уж обокрасть человека и вовсе невозможно, пускай даже и пьяного в лоскуты. Деньги давным-давно обитают в виртуальном мире и кочуют со счёта на счёт в воображаемом пространстве. Потными, человеческими ладошками высокомерно брезгуют. А платёжеспособность клиента определяет сканер на входе в бар. Если пропустил – значит есть ещё, на что выпить. Да и как не быть, коли на Базе и деньги-то больше потратить не на что?

В баре едва слышно мурлыкала спокойная музыка, двое таких же бедолаг даже внимания не обратили на ввалившие-

гося Малыша – так и не подняли носов от своих бокалов. Гибель целой группы наёмников – событие редкое, и для кого-то даже грустное, но отнюдь не чрезвычайное. Именно за риск им деньги и платят. Ну, а то, что единственный выживший пьёт не просыхая и вовсе не удивительно. Любой на его месте мимо бара бы не прошёл. Кое-кто и не выходил бы, на спать и тут можно, на полу. Будет мешать брэнное тело – задвинут в угол.

– Ты, боец, в душ бы сходил! – угрюмо буркнул бармен, брякнул доньшком бутылки о стойку.

– Ты сам бы сходил! – хрипло отозвался Малыш, и не стесняясь указал конкретное направление. Бармен, понятно, никуда не пошёл, на работе как-никак, но и с указаниями больше не лез. Не дурной. Малыш тяжело опустился на стул, не задумываясь закинул в организм рюмку крепкого и посидел минутку с закрытыми глазами – усваивал. А когда открыл глаза, обнаружил, что обзавёлся собутыльником. Тот припёрся со своей бутылкой, что во все времена и на любой планете, извиняло появление без приглашения.

Этого наёмника Малыш немного знал. Так, в лицо и издалека. Общаться, к счастью, не приходилось, до этой минуты. Крепкий, решительный, жестокий и к своим и к чужим – обычный командир группы, других у наёмников не водится. В отличие от Малыша – профессионал. То есть, только этим делом и занимается в жизни. Людей, подавшихся в наёмники от безысходности, а уж тем более таких вот студентов,

на учёбу зарабатывающих, он считал людьми никчёмными и даже, для дела, вредными. Откровенно презирал, если уж говорить прямо, и не думал это скрывать. Его имя мало кто знал. На Базе старого наёмника уважительно величали Мастером и всех это устраивало. Самого Мастера в первую очередь. Похоже, льстило такое отношение.

– Значит, живой, Малыш? – просипел Мастер придушенным голосом. Горло его давненько уже повредило, то ли осколком гранаты, то ли осколком бутылки – теперь уж и не упомнить, за давностью лет. Малыш промолчал, поскольку это и не вопрос был вовсе. Так, констатация удивительного факта.

– Никогда этого не понимал, – Мастер покачал бритой головой. – Боевая группа, все опытные бойцы, командир – золото. И ни одного выжившего! А ты – дохлятина, первый раз в серьёзном деле, ни на что не годен – и вот, живой. Сидишь тут, крепенькое лакаешь, как будто из всех только один этого достоин. Отчего же так-то, а?

– Я не выбирал, кому жить, кому умирать, – пробормотал Малыш. Разговаривать не было желания, но и промолчать невозможно – не тот собеседник, что бы не замечать.

– А по моему – выбирал!

Мастер закинул в рот небольшой орешек и презрительно скривил тонкие, бескровные губы.

– Я не поленился, поинтересовался у оружейника твоей винтовочкой. За весь бой ты выстрелил один раз. Один! В

бою вся группа погибла, а ты соизволил один раз пальнуть. Да и то, так, что противник живой остался. Знаешь, как это бывает? Когда за собственную задницу очень страшно! Залёг ты, Малыш, в укромное местечко и пролежал там, пока бой не закончился. Лживая и трусливая тварь!

Малыш поднял на Мастера изрядно пьяные глаза, криво усмехнулся в ответ.

– А ты откуда об этом так хорошо знаешь? По себе, что ли, судишь? Не потому ли живой до сих пор?

От этих слов Мастер опешил, а Малыш мгновенно протрезвел. В мыслях не было такое сказать, но очень уж ца-рапнул несправедливый упрёк. Глаза Мастера медленно заволокло багровой, смертельной пеленой и он начал подниматься, уперев мощные кулаки в жалобно скрипнувший столик. В этот момент на плечо старого наёмника опустилась массивная дубинка-шокер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.